

* * *

“Ни души...”

Игорь Северянин

Не проще тени... Не светлей звезды...
Не сумрачней обиженной дворняги,
Не тише вековечной немоты
И не живей рисунка на бумаге —
Она парит, прозрачная душа,
Уносится в трубу со струйкой дыма,
С туманами ночует в камышах,
Везде жива, везде неуловима.
Когда бредёшь в раздумчивой тиши,
Наедине с ночным небесным светом,
Есть ночь и высь... А больше — ни души,
Но всё душа, но всё душа при этом...

* * *

Чуть первые тени прорежутся из темноты,
И лысые кроны в пруду затрепещут нелепо,
Кресты золочёные станут совсем золоты
И вспышкой застывшей почудится цвет курослепа.

Зелёным дыханьем наполнится чахлый пейзаж,
Рассадят по веткам галчат суетливые клёны.
И встанешь... И вздрогнешь... И всё, что имеешь, отдашь
За галочий крик и над церковью крест золочёный.

Пустые хатёнки... За храмом и дали пусты...
И заново ловишь куда-то пропавшие звуки.
И женщина рядом... И с ней уже можно на "ты",
А значит, и можно страдать от грядущей разлуки.

Господь не поможет — о зрящем его не проси!
В ладони — ладонь... И грядущим терзаться нелепо.
В реке под мостками упрямо шныряют язи,
Пуская сквозь жабры разлукой дразнящее небо.

Пройдёмся немного... Тебя провожу до угла...
А там, не начавшись, конец и любви, и тревоги.
Но птица вспорхнула и клювом простор подожгла,
И пух с тополей... И ребёнок стоит у дороги...

* * *

К сентябрю всё реже редколесье,
Всё прозрачней кроны тополей.
Сквозь прорехи в дымчатой завесе
Птичий клин острее и черней.

Шаг... Другой... Трава ещё лоснится,
Хоть и порыжевшая на треть.
На стволах прозрачная живица
Всё спешит до стужи загустеть.

Постоишь... Подумаешь, что осень —
Это тоже время перемен.
Что кусты посохли... И что очень
Много боли в прозелени вен.

Что не все дожди отморосили,
Что не вся исчезла благодать,
Что ещё пока хватает силы
О своём бессилии сказать...

* * *

Морозец серебрит твоё дыханье,
Похожее на ветра колыханье,
Похожее на пёрышко лебёдки,
Летающее в озёрную лазурь...
И ничего не знаю я, о Боже,
Что было б так на истину похоже,
Как это серебристое дыханье,
Что защитит от мрака и от бурь.

Всё размывает время-невидимка,
А ты всё смотришь, смотришь с фотоснимка,
И веет пятипалою сиренью
От старой фотографии резной,
Где ты одна — заря и непогода,

Где ты одна — и утро, и свобода,
Где жажда серебристого дыханья
Вовек не станет жаждою иной...

Есть острый взгляд... Но есть ещё прозренье,
Когда столетьем чудится мгновенье,
Когда поймёшь в счастливую минуту,
Что до сих пор не понял ничего,
Что всё ушло — обиды, люди, лица...
Пусть только этот выдох серебрится,
Пускай парит над узкою тропею,
Пока ещё тропу не замело...

* * *

На склоне дня чернее клёны
И непрозрачней зеленыя.
Густеет воздух воспалённый
На склоне дня, на склоне дня.

Но что-то есть в небесной мўке
Такое, что внезапно, вдруг,
Себя услышав в трубном звуке,
Душа летит на этот звук.

А где-то там, за луговиной,
Собой печали заслоня,
Гудит простор о ночи длинной
На склоне дня, на склоне дня.

Превыше зла и всепрощенья,
Чуть разгорается вдали
Вот это белое свеченье
Над чёрным краешком земли.

И непонятно, что за сила
Туда, за горестный предел,
Тебя доселе возносила,
Покуда день не отгорел...

* * *

Едва светает... Дымка над водой...
И выше крон чуть видимая дымка.
Ещё луна холодной запятой
В озёрной глади, как на фотоснимке.
Ещё сосняк, как скопище свечей,
Врастает в эту утреннюю млечность.
Ещё скворец, беспечный и ничей,
Готовится скворчать про бесконечность.
Но что-то изменилось... Станный звук
У лысого пригорка нарастает,
Как будто птица просится из рук,
А вырвавшись, кружит и тает, тает...
И не поймёшь, привычно сторонясь
И грохота, и слабой тени звука,
Откуда у души такая связь
С простором, где и Родина, и мўка?..